

Георгий КУЗЬМИН

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРИИ ИГР В ИССЛЕДОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И КОНФЛИКТОРАЗРЕШЕНИЯ

Статья посвящена анализу понятийного аппарата, предложенного социологом Кеннетом Бинмором для объяснения феномена непрерывной регуляции обществом социальных конфликтов и выработки механизмов конфликто разрешения в процессе адаптации к внешним и внутренним вызовам.

The article is devoted to the conceptual apparatus introduced by Kenneth Binmore for explaining the phenomenon of a society's continuous regulation of social conflicts and for making mechanisms of solving conflicts in the process of adaptation to internal and external challenges.

Ключевые слова:

социальный конфликт, общественный договор, теория игр, либерализм; *social conflict, social contract, game theory, liberalism.*

Конфликтное пространство общества располагается в основном в области принятия общезначимых и общеобязательных решений. Как с точки зрения конфликтологии может быть выстроена система принятия таких решений, и каким образом она регулирует конфликт? Вслед за А.И. Стребковым, А.В. Алейниковым и другими представителями Санкт-Петербургской школы конфликтологии мы будем исходить из того, что магистральной идеей конфликтологии является ее междисциплинарность и многомерность методов¹. В соответствии с этой моделью мы постараемся раскрыть значение использования методов анализа теории игр в решении ряда теоретических проблем современной конфликтологии.

Процесс формирования, функционирования и модификации институтов, норм, систем стратификации, выработки договоренностей и общеобязательных решений, равно как и столкновение индивидов с последствиями своих социально значимых действий, — все это формирует конфликтное поле. Так или иначе, социальное действие индивидов становится полем как конфликтности, так и согласования интересов и поиска средств конфликто разрешения.

Для описания механизмов кооперации воспользуемся концепцией Кеннета Бинмора, сумевшего синтезировать теорию общественного договора с современными достижениями в теории игр. Последняя описывает переговорные процессы внутри общества, оппонируя тем исследователям, которые смотрят на проблему с позиции диалога общества и государства². Можем ли мы «договориться» с государством, коль скоро оно само воспроизводится как побочный продукт нашей коллективной деятельности?

Однако цель сторонников концепции вертикального диалога представляется нам очень важной — показать проблему несовпадения частного и общественного интереса. В своей работе «Теория игр и общественный договор» Бинмор подходит к той же проблеме с другой стороны и показывает, как именно общественный договор

КУЗЬМИН

Георгий

Сергеевич —

аспирант кафедры

конфликтологии

СПбГУ

greycodemail@

gmail.com

¹ Стребков А.И., Алдаганов М.М. Особенности развития и состояние отечественной конфликтологии // ВЕЧЕ, 2011, № 23, с. 188; Алейников А.В., Стребков А.И. Конфликтология для XXI века // Знание. Понимание. Умение, 2008, № 2, с. 112–120.

² Тезисы в поддержку этой концепции см.: Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. — М.: Московский общественный научный фонд, 1999.

может быть проанализирован с помощью аппарата теории игр.

Общественный договор есть имплицитно подтверждаемый, перезаключаемый, поддерживаемый социально-политический феномен в области связей социальных акторов. При этом Джон Ролз прямо пишет, что договорной характер социальных отношений сохраняется даже в условиях неравенства сторон. Элиты не могут существовать без масс, общество требует консенсуса, о чем пишут и Ролз¹, и Бинмор². Из множества классических «игр» Бинмор выбирает для анализа общественного договора широко известную «дилемму узника». С точки зрения конфликтологии «дилемма узника» интересна как модель проблемы принятия решения, поскольку акцентирует внимание на конфронтации интересов и дефиците информации. А общество всегда есть противоречие интересов — поэтому выбор Бинмором модели не случаен. Коллинз также высказывается в том ключе, что «дилемма узника» вскрывает механизмы коллективного действия и согласования интересов и пишет, что она «конгениальна социальному миру»³. Подход британца был своего рода радикальным. Он не только стремился понять специфику социального конфликта, скрывающегося за «дилеммой узника», но и использовал сам этот конфликт для того, чтобы получить новое знание о человеке и обществе. Социальная реальность и математическая модель, как оказалось, пересекались под куда более сложным углом. Крайне важно, что Бинмор в своей работе «Теория игр и общественный договор» приводит глубокую и обширную аналитику прочих концептов, касающихся этой области знания, а потому работа Бинмора необходима нам как отправная точка для изучения спектра мнений.

Общественный договор — базовая ситуация кооперации в условиях конфликта интересов социальных и политических субъектов.

Описание «дилеммы узника» необхо-

¹ Rawls J. A Theory of Justice. — Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1999.

² Binmore K. Game Theory and the Social Contract. Vol. 1. Playing Fair. — Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 1998, p. 6.

³ Коллинз Р. Четыре социологические традиции. — М. : ИД «Территория будущего», 2009, с. 171.

димо, чтобы напрямую выйти на проблему социальной устойчивости и способов дифференциации социально-политических систем по Бинмору (либеральных и нелиберальных). Основанием дифференциации выступает способ принятия решений относительно наиболее значимых общественных изменений. Консервативные системы противятся изменениям, в принятии решений не склонны к поиску оптимума. Социалистические системы идеализированы, не учитывают потенциальную неустойчивость будущих внешне оптимальных решений. Эта концепция имеет свое математическое выражение. Выбор акторами тех или иных стратегий является взаимообусловленным. Изменения в поведении одного актора приводят к изменениям в поведении других, поскольку тем приходится адаптироваться для максимизации собственных выигрышей. В ходе игры может сложиться ситуация, в которой ни одному из акторов не будет выгодно менять свое поведение, если другой не сделает это первым, тем самым ухудшив свое положение. Такая ситуация оказывается устойчивой и характеризуется в терминах теории игр понятием «равновесия», или «равновесия по Нэшу». При этом в рамках одной игры может существовать множество Нэш-равновесных решений, отличающихся с точки зрения абсолютных значений выигрышей акторов. Консервативные системы не принимают во внимание проблему оптимизации «равновесных» решений. Социалистические же утопии, нацеленные как раз на оптимизацию процессов общественного воспроизводства, лежат вне множества равновесных состояний. Либерализм, по Бинмору, преследует цель очертить максимально широкий круг равновесных решений и выбрать из них наилучшее.

Однако такой способ решения игры Нэш-неравновесен — свобода индивидуального выбора и максимизация коллективной выгоды сложно сочетаются на фундаментальном уровне. Кеннет Бинмор пытается решить проблему согласования, однако в классическом варианте однократного взаимодействия решения нет. Игра должна повторяться многократно, чтобы сотрудничество стало возможным на принципах выученной взаимности⁴.

⁴ Binmore K. Op. cit., p. 117.

Здесь мы выходим на принципиальные черты либерализма, что особенно важно в условиях преобладания в современном российском политическом дискурсе его уничижительных трактовок.

Первое — постоянство социально-политического взаимодействия. Либерализм возможен только в обществе подлинного общежития, где повторяемость и взаимность обретают смысл. Мы уже говорили о том, что общество и его институты непрерывно воспроизводятся, но в случае с обществом либеральным эти процессы происходят эксплицитно.

Второе. Либерализм вынужден сочетать принципы Нэш-равновесия и Парето-эффективности. Избегая кардинальных оценок, он всегда будет сохранять внутренний парадокс, выражающийся в непрерывной дискуссии, в т.ч. между консерваторами и социалистами. Поиск же «окончательного ответа» при опоре на либеральную модель заранее обречен на неудачу. Проблема российского либерализма состоит именно в том, что, с одной стороны, в нашей стране крайне сильна традиция поиска лекарства от всех социальных болезней, с другой же — в том, что у нас нет реальных социалистов и консерваторов, чтобы питать либеральную дискуссию. Либерализм предлагает согласование сложной совокупности интересов и принципов в ходе постоянных и неизбежных трений и корректировок. Жить в либеральном обществе — значит постоянно осуществлять политический труд, быть к нему готовым. Конфликт заложен в эту систему, и должен быть явным, чтобы постоянно эффективно отрабатываться.

Джон Ролз в «Теории справедливости» указывает на имманентность социальных противоречий и переговорный характер ситуации, в которой находятся социально-политические акторы. Договариваясь друг с другом, они, во-первых, обладают априори противоречивыми интересами, во-вторых, могут реализовать их в полной мере лишь совместно, т.е. вынуждены договариваться¹.

Совокупность условий же определяет, возможно ли разместить механизм принятия общеобязательных решений в пространстве «равновесие по Нэшу — эффективность по Парето», а также обеспечить эффективное функционирование меха-

низма взаимной ответственности через повторяемость социальных ситуаций. Взаимная ответственность и повторяемость, или просто взаимность², предполагает взаимозависимость в деятельности, обоюдную осведомленность, неотвратимость социальных последствий. Система в требованиях либерализма должна быть выстроена таким образом, чтобы люди, действующие в одном территориальном, экономическом, правовом и культурном пространстве, не могли бы уклониться от ответственности перед другими членами общества. Уклониться так, чтобы это не стало известно и не привело бы к неблагоприятным последствиям в характере дальнейшего взаимодействия членов общества с нарушителями договорного порядка.

Майкл Хехтер подчеркивает ту же идею, указывая, что в основе кооперации лежит открытость и определенный механизм санкций³. Глубоко протестантская идея — партнер, оказавшийся ненадежным, становится изгоем своего цеха⁴. При этом взаимная ответственность необходимо должна существовать на всех уровнях: межличностном, локальном, государственном. То есть, на уровне культуры общения и делового оборота, на уровне коммун и самоуправления, на уровне связи субъектов и институтов государства (для нашей страны актуальным становится федеративный компонент).

Общество с патологией воспитания и массовой дисфункцией семейных отношений не способно действовать на основе либеральной модели принятия решений, поскольку «пусковой механизм доверия» не сформирован. Мы видим явное выпадение этого фактора в российских условиях. Отсутствие взаимного доверия в рамках формальных структур взаимодействия приводит к тому, что многие коллективные задачи решаются нелегальными, полукриминальными способами. В этой модели «коммуникативные конфликтные отношения завязываются на власть, единственным закрепленным в традициях способом действий является жалоба начальству, все неразрешенные конфликты центрируются на вершину управленческой пирамиды, где социальный организм кон-

² Binmore K. Op. cit., p. 110.

³ Коллинз Р. Указ. соч., с. 173.

⁴ Подобные мысли можно найти в работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера.

¹ Rawls J. Op. cit., p. 14–15.

центрирует конфликты и куда канализируется конфликтная социальная энергия, некомпенсированная, неперекрытая и нецивилизованная. Истина, сила и право в разрешении конфликтов всегда остаются за иерархией, которая является носителем и выразителем идеи целого, всегда стремящегося к снятию конфликта *всеми сдерживающими, репрессивными, силовыми способами*. В этой парадигме конфликт зачастую разрешается или покупается ценой победы иерархии над здравым смыслом»¹.

Можно выделить две функциональные социопсихические конструкции — чувство базового доверия к миру и осознание экзистенциального одиночества, предохраняющие индивида от неадекватного индивидуального поведения в сфере межличностных отношений. Однако массовая дисфункция этих конструкций в демографическом плане приводит уже к социальной патологии — системе тотального недоверия в первом случае и догматическому коллективизму — во втором.

Условия, в которых, по нашему предположению, может существовать и эффективно функционировать либеральная политическая система, задают либеральной программе на примере России известные ограничения. Внешние связаны с географическим и геополитическим положением страны, разрозненностью территориальной и национальной, разноукладностью систем местного самоуправления (а где-то — и отсутствием таковых), с исторически обусловленными разрывами коммуникативного поля. А.В. Алейников сформулировал эту специфику так: «Стратегии конфликто разрешения российской элиты построены на неверных предположениях о будущем общества, на новых формах воплощения старых принципов персоналистской власти, слияния власти и соб-

ственности, стремлении удержать сферы политического контроля, а не на новых принципах структурирования власти и общества, основанных на обязательствах, взятых на себя сегодня и соотносящихся с завтрашней картиной. При этом и выбор набора обязательств власти зачастую оказывается неверным или неадаптируемым к изменению ситуации. При этом следует учесть, что это — следствие конфликта между опционами стабильности и стратегическими опционами»².

Все это усложняет коммуникацию как таковую, и политическую в частности. В результате страна «живет вслепую», механизмы отсева «бракованных кадров» и установления взаимного доверия на основе воспроизведения социальных актов и их общественной рефлексии не вполне работают.

Таким образом, в анализе политических механизмов регулирования конфликтов и обеспечения интеграции общества можно восходить от конкретных точек конфликтности к общим закономерностям, определяющим изучаемое общество, и свойствам, характеризующим составляющих его субъектов. Какую бы модель общества мы ни взяли, число успешных транзакций, или число устойчивых договоренностей, неизмеримо выше числа девиаций — в противном случае общество не смогло бы существовать. Система договоренностей социальных субъектов, называемая общественным договором и реализуемая во множестве политических институтов, обеспечивает регулирование имманентных социальных противоречий (и ограничивает их перерастание в актуальные конфликты) и интеграцию общества.

¹ Алейников А.В. Метафизика российской конфликтности: холодная гражданская война или склока // *Власть*, 2013, № 6, с. 27.

² Алейников А.В. Институциональные российские конфликты: «трагедия соревнующихся невозможностей» // *Конфликтология*, 2012, № 3, с. 91.